

0201

ЦЕНТРПОЛИГРАФ

HARLEQUIN®

Никки Логан

ЗА МГНОВЕНИЕ ДО СЧАСТЬЯ

Подари себе мечту

ЛЮБОВНЫЙ РОМАН

Никки Логан
За мгновение до счастья
Серия «Любовный роман
– Harlequin», книга 201

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3132625

Никки Логан. За мгновение до счастья: Центрполиграф; Москва; 2012

ISBN 978-5-227-03520-2

Аннотация

Грант Макмертри возвращается в свой родной приморский городок, чтобы продать ферму, доставшуюся ему в наследство от отца. Кейт Диксон отчаянно пытается ему помешать. Позиция Кейт возмущает Гранта, но незаметно для себя он начинает проникаться симпатией к этой смелой независимой женщине...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	22
Глава 3	36
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Никки Логан

За мгновение до счастья

Глава 1

Последняя строка письма гласила: «С уважением, *Кейт*».

Грант презрительно фыркнул. Как только у Кейт Диксон хватает наглости говорить об уважении к его отцу? Она вместе с возглавляемой ею группой защитников природы ответственна за причинение вреда ферме Лео Макмертри. И за его смерть, последовавшую за этим.

Жители города думают, что у старика Лео было большое сердце, но три человека считают иначе – мэр, лучший друг Лео, доктор и Грант, его единственный сын, который нашел бездыханное тело отца на водительском сиденье его грузовика с работающим вхолостую мотором. В баке еще даже не закончилось горючее.

Грант оставил все в доме отца нетронутым. На кухонной стойке по-прежнему лежит открытое письмо Кейт Диксон. Он снова пробежал его глазами.

«Провести переговоры об установлении буферной зоны... Защитить тюленей... Ограничить фермерскую деятельность... К сожалению...»

Сначала уважение, теперь вот сожаление.

Разве имеет право говорить об уважении женщина, которая вынудила пожилого человека пустить ее на территорию его фермы, а потом воспользовалась своими связями, чтобы запретить ему использовать прибрежные земли в хозяйственных целях? Она отплатила черной неблагодарностью человеку, оказавшему ей услугу. Кейт Диксон называет себя ученым, свою работу – научным исследованием, но в действительности она всего лишь карьеристка, пытающаяся сделать себе имя за счет других людей.

За счет его отца.

Скомкав написанное от руки письмо, Грант выбросил Кейт Диксон из головы. После этого он опустил подбородок на сжатые в кулаки руки, лежащие на стойке, и судорожно вдохнул. Затем еще раз.

Неожиданно раздался пронзительный звонок телефона. Машинально схватив трубку, он проговорил:

– Макмертри слушает.

– Мистер Макмертри? – послышался после неловкой паузы молодой женский голос.

Грант сразу понял, в чем дело.

– Макмертри-младший, – пояснил он.

– Ой... простите. Ваш отец дома?

Грант почувствовал себя так, словно получил удар под дых. Ему было тяжело осознавать, что человек, который его вырастил, не поддерживал его и они никогда уже не смогут прийти к взаимопониманию.

– Нет, – отрезал Грант.

– Он сегодня вернется? Я хотела обсудить...

Кто может не знать о смерти Лео? Вчера на похоронах его отца был весь город.

Взгляд Гранта упал на скомканное письмо.

За исключением той, из-за кого он умер.

– Мисс Диксон, полагаю?

– Да.

– Мисс Диксон, мой отец умер на прошлой неделе.

Ее вздох потрясения прозвучал искренне.

– Я понятия не имела, – произнесла она сдавленным голосом. – Мне очень жаль.

«Разумеется, тебе жаль. Ведь теперь тебе придется искать другое место для своих исследований».

Чтобы не сказать это вслух, Грант закусил губу.

– Как вы? – тихо спросила она. – Я могу что-нибудь для вас сделать?

Провинциальная отзывчивость незнакомой женщины вызвала у него раздражение.

– Да. Держитесь подальше от этой фермы. Вам и вашей команде с микроскопами здесь больше не рады.

На том конце линии снова послышался испуганный вздох:

– Мистер Макмертри.

– Вам удалось запудрить моему отцу мозги и уговорить его пустить вас на его землю, но отныне вам здесь больше нечего делать. Это мое окончательное решение.

– Но у нас с мистером Макмертри была договоренность.

– Если эта договоренность не оформлена в письменном виде и в ней нет слова «пожизненно», вы ничего не добьетесь.

– Мистер Макмертри, – произнесла она более твердо.

«Начинается...»

– Дело в том, что я не только договорилась с вашим отцом, но и получила поддержку районного совета, в том числе финансовую. Какими бы трагичными ни были обстоятельства, вы не можете нас выгнать.

– Это мы еще посмотрим.

Бросив трубку, Грант впервые за прошедшую неделю испытал чувство удовлетворения. Это была разрядка. Возможность сконцентрироваться на чем-то, кроме собственных переживаний. Теперь ему есть на кого переложить вину. Это означает, что ему больше не нужно винить человека, от которого он отделился девятнадцать лет назад.

Что бы ни сделал Грант, он не сможет вернуть отца, от которого ушел, когда ему исполнилось шестнадцать. Но он может кое-что сделать ради его памяти.

Спасти ферму, которую так любил его отец.

Он не может сам ею управлять. Сейчас он годен для этого не больше, чем в тот день, когда покинул ее много лет назад. Поэтому он намерен в кратчайший срок привести ее в нормальное состояние и продать человеку, который сможет добиться ее процветания. Разумеется, Лео не для этого оста-

вил ему в наследство «Таллоквэй», но он никогда прежде не оправдывал ожиданий своего отца и не собирается начинать сейчас.

Было время, когда Кейт Диксон, стоя на этом крыльце, готовилась к спору, прежде чем войти в дом. Ей понадобилось двенадцать месяцев переговоров, чтобы Лео Макмертри разрешил ее команде в течение трех лет проводить научные исследования на его земле. Теперь ей придется все начинать сначала, и на этот раз ее противником будет юрист, специалист по контрактам, приехавший из города. В Интернете ей удалось найти информацию о единственном сыне Лео Макмертри, Гранте. Судя по резкому тону, которым он разговаривал с ней по телефону на прошлой неделе, он горюет по отцу и злится на нее.

Остается надеяться на то, что при личной встрече ей удастся его переубедить.

Постучав в свежевыкрашенную деревянную дверь, Кейт поправила свой лучший деловой наряд. Обычно она не носит юбки-карандаш и облегающие блейзеры, но в ее гардеробе есть несколько для подобных случаев.

Дверь продолжала оставаться закрытой, и Кейт нервно огляделась по сторонам. Может, ей следовало договориться с Грантом Макмертри о встрече по телефону? Впрочем, он вряд ли стал бы ее слушать. Из глубины дома слышится приглушенная музыка, значит, там кто-то есть. Кейт снова по-

стучала.

– Ну давай же, Макмертри, – пробормотала она.

Тщетно прождав с полминуты, Кейт толкнула дверь. Она открылась, и музыка стала громче.

– Эй? Мистер Макмертри? – крикнула она, заглянув внутрь, но ее голос утонул в грохоте хэви-метала.

Тогда Кейт выругалась себе под нос, вошла в дом и двинулась в направлении источника шума. В ноздри ей ударил запах краски. Проходя комнаты со свежевыкрашенными стенами, она обратила внимание на ткань с цветочным рисунком, которой была обита мебель. Ей казалось странным видеть их в доме, принадлежавшем такому суровому мужчине, как Лео Макмертри. Он был мрачен, упрям как осел и неразговорчив. Цветастая ткань никак не сочетается с этим образом.

Впрочем, она плохо знала Лео. Он вел замкнутый образ жизни.

– Мистер Макмертри? – снова позвала она, продвигаясь вперед.

– Какого черта?..

Откуда ни возьмись возникла твердая стена и налетела на нее. Спереди по одежде Кейт что-то потекло, и она резко отпрянула. Затем она быстро наклонилась, чтобы схватить падающее на пол ведро с краской. Пара мужских рук тоже потянулась за ним. Им обоим удалось схватить ведро, прежде чем остатки краски пролились на дощатый пол.

Мужчина забрал у нее ведро, и в следующую секунду на нее из-под сдвинутых бровей уставились горящие зеленые глаза.

Потупившись, она обнаружила, что с ее одежды стекает на пол краска.

– О...

– Не двигайтесь! – прорычал сын Лео Макмертри, отставив в сторону ведро.

Взяв тряпку, он пару минут вытирал лужу у ее ног, но она почти не уменьшалась, поскольку краска продолжала капать с ее одежды.

– Снимите пиджак!

Его командный тон возмутил ее, но она поняла, что он прав. Сняв пиджак, она скомкала его и бросила в кучу грязных тряпок, валяющихся в углу.

Его взгляд упал на ее юбку, испачканную бежевой краской.

– Ее я снимать не буду, – произнесла Кейт тоном, не терпящим возражений.

Мужчина начал кривить губы, но вдруг передумал и вместо этого еще сильнее нахмурился. Затем, не сказав ни слова, он принялся отжимать низ подола ее юбки и стирать рукой краску с ее ног.

Кейт стояла не шелохнувшись. Она была потрясена. Ей казалось, что она снова превратилась в девочку, которая делала то, чего хотели другие. А ведь она когда-то приложила

столько усилий для того, чтобы стать независимой!

Наконец Макмертри выпрямился и снова посмотрел на нее своими выразительными глазами. Верхнюю часть его овального лица обрамляли короткие волосы цвета песка, нижнюю покрывала двухдневная щетина. Его рубашка цвета хаки была наполовину расстегнута, и в вырезе виднелась загорелая грудь, покрытая светлыми волосками, и золотой ободок на кожаном шнурке.

Когда мужчина поймал направление ее взгляда, его губы сжались в тонкую линию. Желая как можно скорее начать деловой разговор, для которого она сюда пришла, Кейт расправила плечи, откинула с лица свои густые волосы, поправила очки на переносице и протянула Макмертри руку. Ей пришлось тут же ее опустить, потому что она заметила на своей ладони пятна краски. Наверное, она испачкала себе волосы и очки.

Но прагматичная сторона ее натуры сказала ей, что ничего страшного не произошло и она должна сделать то, зачем сюда пришла.

– Мистер Макмертри...

Он сердито посмотрел на нее:

– Вы никогда не слышали о том, что нужно стучать, перед тем как войти?

Кейт прищурилась. Возможно, причина его грубости во все не в том, что он переживает из-за смерти своего отца. Возможно, он всегда ведет себя как мужлан. Яблочко от яб-

лоньки недалеко падает. Она в конце концов подружилась с Макмерттри-старшим, но поначалу ей приходилось нелегко.

– А вы никогда не слышали о лопнувших барабанных перепонках? – бросила в ответ она.

Похоже, мужчина только тогда осознал, что музыка все еще грохочет. Он направился в противоположную часть комнаты и выключил стереосистему. Когда он вернулся, рубашка на его груди оказалась застегнута еще на две пуговицы. Крошечная частичка Кейт испытала по этому поводу разочарование.

– Спасибо, – слишком громко произнесла она, еще не привыкнув к тишине. – Вы всегда слушаете рок-музыку на всю катушку?

– Это лучше, чем напиваться.

Кейт нахмурилась. Как одно связано с другим? Глубоко вдохнув, она представилась:

– Я Кейт Диксон. А вы, я полагаю, Грант Макмерттри?

– Судя по тому, как мастерски вы применяете дедуктивный метод, вы, наверное, далеко продвинулись в ваших исследованиях.

Кейт проигнорировала его сарказм:

– Вы не отвечали на мои звонки и электронные письма, поэтому я пришла к вам лично.

– Я это вижу. – Его взгляд скользнул по ее заляпанной краской блузке. – Простите, что испортил вам одежду.

Кейт пожала плечами:

– Она мне все равно не нравилась.

– Тогда зачем вы ее носите?

– Потому что в таком виде принято приходить на деловые встречи.

– Что вы предпочитаете носить в остальное время?

– Гидрокостюм.

– Ах да, тюлени...

Кейт мысленно поздравила себя с тем, что ей удалось перевести разговор в нужное русло. Если эта встреча пройдет неудачно, она многое потеряет. Речь идет не только о ее проекте.

– Мне нужно продолжать мои исследования, мистер Макмертри.

– В таком случае вам придется поискать другой пляж, мисс Диксон.

– Начальная стадия исследования была проведена здесь, поэтому я не могу менять местоположение. Как и колония тюленей, которых я изучаю. Они уже много лет приплывают в эту бухточку.

– Я знаю. Я здесь вырос.

Этот ответ ее обрадовал.

– Вы видели колонию, когда были ребенком?

Его веки опустились.

– Да. Я каждый день ходил смотреть на тюленей.

Кейт замерла:

– Правда?

Он пристально посмотрел на нее:

– Не стройте напрасных надежд, мисс Диксон. Это не означает, что я собираюсь сказать «да». Мой ответ по-прежнему «нет».

– Почему?

– Мне не нужна причина. В этом вся прелесть австралийской системы свободного землевладения. Моя земля – мои правила.

Тогда Кейт достала свой единственный козырь.

– На самом деле нет. – Его лицо стало мрачнее тучи, но она продолжила: – С формальной точки зрения это не ваша земля. Пока.

Его глаза сузились.

– Это правда?

– Мне сказали, что, согласно последней воле Лео, утверждение завещания займет шесть – восемь недель. До тех пор ферма будет официально принадлежать вашему отцу и наш с ним договор останется в силе.

Она очень на это надеется. Ей пришлось ужинать с одним неприятным типом, чтобы отблагодарить его за помощь в этом деле.

Кейт сложила руки на груди, словно боясь, что Грант Макмертри вырвет ей сердце. Он смерил ее ледяным взглядом, и оно заколотилось еще сильнее.

– Вы сомневаетесь, что у меня достаточно связей, чтобы ускорить этот процесс? Я юрист, мисс Диксон. Или, может,

мне следует называть вас *доктор* Диксон?

– Доктор Диксон был моим отцом, поэтому я предпочитаю обращение «мисс». Если вам оно не по душе, можете звать меня Кейт. Впрочем, как бы вы меня ни называли, ничего не изменится. Мне сказали, что, даже если прибегнуть к махинациям с документами, утверждение завещания займет не менее шести недель.

– Я не прибегаю к махинациям, мисс Диксон, – произнес он враждебным тоном. – Я просто применяю законы.

Тип, с которым она ужинала, тоже юрист.

Выражение его лица изменилось.

– Думаете, за шесть недель что-то изменится?

– Возможно, ничего. Но возможно, вы убедитесь, что работа, которую мы делаем, важна.

– Для кого?

– Для науки. Для понимания того, как влияют хищники на изменение количества рыбы. Для будущей экологии океанов.

– Для вас.

Кейт глубоко вдохнула и выдохнула.

– Да, для меня. Это дело моей жизни.

И все, что у нее есть.

Макмертри фыркнул и цинично улыбнулся:

– Вряд ли через несколько лет вы повторите эти слова.

– Сколько вам? Сорок? – Она знала, что меньше.

– Тридцать пять.

Для такого успешного юриста, каким Грант Макмертри

был представлен в Интернете, он слишком молод. Должно быть, он решительный и целеустремленный. Ее всегда восхищали эти качества.

— Когда вы были моложе, неужели вас ничего не интересовало настолько, что вы были готовы отказаться ради этого от всего остального?

Нахмурившись, Грант засунул испачканные краской руки в карманы. Когда он был моложе, он думал только о том, как бы поскорее убраться с этой фермы и избежать скучного будущего, которое ждало его здесь. Найти свой собственный путь. Ему потребовалось десять лет, чтобы понять, что он его не нашел. Еще девять он ждал знака, который указал бы ему на то, что делать дальше.

Этот знак он получил, когда на прошлой неделе ему позвонил мэр Кастлериджа и сообщил, что Лео не присутствовал на городском собрании, не подходил к телефону и не открыл ему дверь. Грант домчался до фермы за два часа вместо обычных трех, и они вместе взломали дверь дома Лео.

Прогнав неприятные воспоминания, Грант, чтобы не дышать краской, вышел вместе с Кейт Диксон на веранду. Ее облегающий пиджак, который он испортил, дал ему представление о ее стройной подтянутой фигуре. Кремовая блузка под ним оказалась скромной и непрозрачной, но под ней в вечернем свете западно-австралийского солнца хорошо угадывались очертания женственных форм Кейт. Большинство женщин, имеющих такую грудь, как у нее, воспользовались

бы этим в своих целях.

В паху у него все напряглось. Нет, эта женщина не планировала его соблазнить. Ее наряд был строгим и подходящим для деловых переговоров, пока он его не испортил. А вот его расстегнутая рубашка совсем не годится для этой цели. Взгляд Кейт, задержавшийся на его груди, был красноречивее всяких слов. Он определенно не одет для приема гостей. Но он не приглашал Кейт Диксон, поэтому не собирается строить из себя гостеприимного хозяина.

– Не пытайтесь вызвать у меня сочувствие, мисс Диксон. Дело вашей жизни погубило моего отца.

Выражение ее лица не изменилось, но тело напряглось. Когда она наконец ответила ему, ее тон был холодным.

– Это неправда.

– Нет, правда.

Ему все же удалось лишить ее самообладания. Ее грудь несколько раз поднялась и опустилась, и Гранту стало немного стыдно за то, что он нанес Кейт такой мощный удар. С таким же успехом он мог бы ей сказать «вы погубили моего отца».

Кейт нервно провела ладонями по юбке, и Грант вспомнил, как его руки всего несколько минут назад дотрагивались до ее ног. Он тут же прогнал эти волнующие воспоминания.

– Мистер Макмертри, ваш отец был человеком тяжелым, но я его уважала. Мы с ним много разговаривали и в конце

концов пришли к согласию.

Согласие. У Гранта с его отцом этого не было. Они, напротив, с каждым годом все больше отдалялись друг от друга.

– Ваше предположение о том, что моя работа – работа моей команды – могла спровоцировать его смерть... – Она тяжело сглотнула. – У вашего отца были недостатки, но он любил свою землю и все, что на ней находится. Он любил тюленей так же, как свой скот. Чувствовал свою ответственность за них. Они приносили ему радость, а не беспокойство.

– Выдаете желаемое за действительное, Кейт?

Она нахмурилась, и ее красивые черты исказились. Грант решил, что сейчас самое время нанести следующий удар.

– Месяц назад моего отца предупредили, что на шестидесяти квадратных километрах побережья фермерская деятельность должна быть приостановлена, пока будет решаться вопрос о том, нужно ли присвоить этой территории статус заповедника. Это прибрежная полоса шириной два километра и треть всей его земли, Кейт.

– Да. Я знала об этих переговорах, – ответила она, тщательно подбирая слова. – Знала, что результаты наших исследований были восприняты как...

– В таком случае вас не должно удивлять, что это могло спровоцировать...

Грант резко замолчал, внезапно осознав, что может почувствовать человек, если ему скажут, что он стал виновником чьего-то самоубийства. Особенно если его вина не до-

казана. Пока.

– Это могло вызвать у него сильный стресс.

Кейт медленно кивнула:

– Если бы мы что-то делали против его воли, такое было бы вполне возможно. Но Лео с нами сотрудничал.

Одному Богу известно, по какой причине. За несколько недель до смерти Лео его нотариус Алан Сефтон составил подробное завещание, в котором не было ни слова о защите тюленей и участии Лео в исследованиях. Гранту, опытному юристу, документы говорят больше, чем слова.

– Нет ни малейшей вероятности того, что мой отец добровольно отдал треть своей земли кучке любителей природы. Он любил эту ферму.

Она опустила глаза:

– Лео был из тех, кто все делает основательно.

Вдруг ему пришла в голову мысль о том, что у этой женщины могли быть какие-то отношения с его отцом. Вряд ли любовного характера. Его отец был на такое не способен. Скорее всего, он испытывал к ней отеческую привязанность. Кейт Диксон искренне расстроилась, когда в телефонном разговоре Грант сообщил ей о смерти Лео Макмертри, но он не может позволить состраданию им управлять.

Он снова посмотрел на красивую хрупкую женщину, стоящую перед ним. Его отец доверился ей, и куда его это привело?

Грант расправил плечи:

– В тот день, когда завещание вступит в силу, вам придется искать другое место для своих исследований. Обратитесь к другим фермерам, чьи земли находятся выше по побережью.

– Думаете, я бы стала так долго уговаривать вашего отца, будь у меня такая возможность? Это место единственное, которое нам подходит. Нам нужен удобный спуск к воде. Выше по берегу начинаются непроходимые скалы.

– В таком случае вам придется учиться скалолазанию. Когда я формально вступлю во владение фермой, я перестану вас пускать на территорию фермы. Это честное предупреждение.

– Да, это предупреждение, но его вряд ли можно назвать честным. Несмотря на все его недостатки, ваш отец хотя бы был справедливым человеком.

Повернувшись, она быстро пересекла веранду, спустилась по ступеням и направилась к своему старому грузовику. Грант не ожидал, что красивая женщина вроде Кейт может ездить на такой развалюхе. Забравшись на водительское сиденье, она сдвинула вместе ноги, поправила юбку и тихо закрыла дверцу.

В этот момент Грант понял, почему его отец сдался после долгих уговоров. Не потому, что эта женщина использовала свою красоту, чтобы добиться своей цели, а, напротив, потому, что не делала этого.

Кейт Диксон – интригующее сочетание ума, красоты и до-

стоинства. Очевидно, она любит землю, на которой работает.

Неудивительно, что отец Гранта проникся к ней симпатией. Именно эти качества он любил в его матери.

Глава 2

Переодеваясь на краю луга, на котором паслось три десятка овец, Кейт не испытывала никаких неудобств. Теперь, когда она узнала, что скоро ей придется навсегда покинуть это место, ей вдруг захотелось повидать тюленей. Она не будет заниматься исследованиями, потому что сейчас для этого неподходящее время.

Последние несколько лет эти животные были смыслом ее жизни. При мысли о том, что скоро она будет вынуждена с ними расстаться, у нее защемило сердце.

С океана подул холодный ветер, когда она надевала взамен испорченных блузки и юбки гидрокостюм. В нем она похожа на тюленя, разве что килограммов на двадцать легче. Неудивительно, что акулы часто принимают серферов в гидрокостюмах за свою любимую еду. Впервые оказавшись здесь, она надеялась, что внешнее сходство поможет ей ближе подобраться к объектам своего исследования.

В обычные рабочие дни она носила комбинезоны. Они теплые и удобные, но в то же время непривлекательные. Впрочем, ей не перед кем красоваться.

Овцы много раз видели, как она переодевается, но их ее тело интересовало не больше, чем членов ее исследовательской группы, для которых пол коллег не имеет значения. Неудивительно, что после того, как они по шесть часов в

день вместе изучали рвотную массу и экскременты тюленей, они перестали испытывать стеснение. Кейт не могла вспомнить, когда в последний раз чувствовала себя женщиной.

«Разве что двадцать минут назад».

Даже разгневанный, Грант Макмертри вызывал трепет в тех сокровенных уголках ее тела, о существовании которых она давно забыла. От его взгляда кровь закипела в ее жилах. Она была рада, что надела деловой костюм, даже несмотря на инцидент с краской. Ей не хотелось себе представлять, каким было бы его первое впечатление о ней, если бы она пришла к нему в рабочем комбинезоне, воняющем отходами жизнедеятельности тюленей.

Бросив испорченную одежду и туфли на заднее сиденье грузовика, Кейт закрыла дверцу и пошла босиком по узкой извилистой тропинке между скал к каменистой бухточке внизу. Выступы камней под ногами были сглаженными. Это означало, что тропинкой пользовались уже много лет.

Грант Макмертри, должно быть, приходил сюда в детстве сотни раз. Ей было сложно себе представить этого внушительного сурового мужчину ребенком. Наверное, его, как любого мальчишку, начитавшегося приключенческих книг, манили опасные скалы и дикие обитатели бухты.

Ее охватила зависть, но она тут же ее прогнала. Грант познакомился с тюленями раньше ее, зато они есть у нее сейчас. Если ей повезет и комиссия по охране окружающей среды присвоит прибрежной территории статус заповедни-

ка, она сможет еще долго с ними не расставаться. Члены совета очень заинтересованы в ее исследованиях.

Когда Кейт обогнула последнюю скалу, две дюжины черных голов поднялись. Эти тюлени привыкли к частому присутствию людей на их пляже. Они не доверяют исследователям, но привыкли к ним. Только две головы остались поднятыми, когда Кейт подошла ближе. Остальные животные опустили головы и продолжили принимать солнечные ванны. При виде привычной сцены Кейт улыбнулась. Группа детенышей тюленей резвилась у кромки воды, словно им нужно было использовать всю свою энергию, пока они не вырастут и не станут ленивыми и неповоротливыми, как их толстые мамы, лежащие на камнях. Или как их папы, которые большую часть года живут сами по себе и приходят к самкам только на время брачного периода.

Если этим детенышам повезет, они проведут со своими семьями больше времени, чем она со своей. Кейт нахмурилась. Она долго привыкала к одиночеству. Это было нелегко.

Один малыш пронзительно закричал, вернув ее к реальности.

Удивительно, что эти животные терпят присутствие людей, учитывая то, что Кейт и ее команда ловят их раз в месяц для взвешивания. Похоже, молодые тюлени относятся к этому как к привычной части своей жизни. Это для них своего рода игра. Бывает, что детеныш забирается обратно в огромный мешок после того, как его отпустят. Он словно

возвращается за своими друзьями, которые еще находятся там. Кейт доставляет удовольствие заглядывать в мешок, из которого на нее смотрят огромные глаза цвета расплавленного шоколада.

В такие минуты ей приходится подавлять проснувшийся материнский инстинкт. Когда твои коллеги едва замечают, что ты женщина, когда они единственные мужчины, с которыми ты общаешься, какой смысл думать о детях?

– Привет, Дорсет, – поздоровалась Кейт с большой самкой, забравшись на плоский камень. Дорсет одно из пяти животных, к которым в этот месяц прикрепили оборудование для мониторинга. Прибор двадцать четыре часа в сутки регистрирует ее положение относительно уровня моря каждые пять секунд, когда она находится на суше, и каждые две секунды, когда она в воде. Каждый месяц Кейт и ее люди снимают дорогостоящие рекордеры с одной группы взрослых тюленей и переставляют на другую, чтобы получить широкий диапазон данных. Им нужно знать, где тюлени едят, как глубоко они ныряют за пищей и сколько времени проводят под водой.

К сожалению, ни один прибор не может дать ответ на вопрос, что они едят, поэтому для получения этой информации исследователям приходится копать в их рвотной массе и экскрементах.

Громко фыркнув, Дорсет снова перевела взгляд на воду, даже не посмотрев на своего детеныша Дэнни-Боя, плава-

ющего у берега. Удивительно, но самки тюленей покидают своих детенышей, когда им самим угрожает опасность. Благодаря этому их намного легче поймать для взвешивания. Но Кейт всегда расстраивало, что малыши остаются незащищенными.

Она знала на собственном опыте, что это означает. Много лет назад она дала себе слово, что больше никогда не позволит себе оказаться в таком положении. Что больше никогда не будет уязвимой, зависимой от решений других людей, не имеющей права выбора.

Должно быть, еще в глубокой древности тюлени поняли на инстинктивном уровне, что потеря детеныша не так страшна для популяции, как потеря половозрелой самки, а следовательно, целой генетической линии.

Детеныши не имеют особой ценности, поэтому они очень уязвимы.

Посмотрев на Кейт, Дэнни-Бой издал пронзительный крик и продолжил играть со своими друзьями. Молодая женщина грустно улыбнулась. Сообщества рыбаков на всем западном побережье убеждены в том, что люди и тюлени ловят одни и те же виды рыбы. Эта отрасль промышленности приносит миллионы долларов в год, и ее представители не желают терпеть убытки и настаивают на сокращении численности тюленей. С помощью своего исследования Кейт намерена доказать жителям Кастлериджа, правительству и всему миру, что тюлени не охотятся на промысловые виды рыбы.

– Может, вам стать вегетарианцами, ребята? – спросила она у группы животных.

Одна самка рядом с ней выразила свое недовольство громким криком, и Кейт рассмеялась:

– Ладно, я ухожу. Надеюсь, вы будете само очарование, когда я приду сюда в следующий раз.

С Макмертри-младшим. Это будет ее следующим шагом и единственным шансом переубедить нового владельца фермы. Если Грант Макмертри любил в детстве этих тюленей, возможно, ей удастся заставить его изменить свое решение. От этого зависит ее профессиональная репутация. Она не хочет разочаровать людей, выделивших ей три гранта на исследование. Она не может допустить, чтобы ее труд, на который было потрачено столько времени и сил, оказался напрасным. Ее университет, министерство рыбной промышленности и районный совет, выделившие ей деньги, ждут результатов ее исследования. Она им их предоставит, и ей не мешают в этом ни шторма, ни тем более сердитые юристы с красивыми зелеными глазами.

* * *

– Так в чем же заключается ваша хорошая новость? – Допив остатки кофе, Грант внимательно посмотрел на мэра Каствлериджа.

Алан Сефтон рассмеялся:

– Ты же знаешь, что двенадцать недель до официального утверждения завещания – это короткий срок. Тебе следовало бы меня поблагодарить.

Это означает, что ему придется еще три месяца терпеть Кейт Диксон и ее команду на своей земле.

– Спасибо вам за то, что вы согласились стать душеприказчиком моего отца, – ответил Грант.

Пожилой мужчина печально улыбнулся:

– Я был уверен, что он не... Что вы с ним... Ты знал, что он оставил ферму тебе?

– Понятия не имел.

– Ты его сын. Его единственный наследник. Ни время, ни расстояние не могли этого изменить.

– Меня бы не удивило, если бы он назло мне оставил ферму этим любителям тюленей.

Алан нахмурился:

– Лео никогда не был злопамятным. Он мог вспылить, не дослушать до конца, послать ко всем чертям, но он был не из тех, кто помнит старые обиды.

– Возможно, за прошедшие девятнадцать лет он стал мягче.

– Или ты повзрослел.

За этим последовала тишина. В этот ранний час в кафе не было других посетителей, поэтому ее нарушала только приглушенная музыка, доносящаяся из кухни.

Алан прокашлялся:

– Как у тебя дела, сынок?

Сынок. Его никто так не называл с тех пор, как умерла его мать, когда он был еще ребенком. Отец всегда звал его по имени, школьные учителя обращались к нему по фамилии. Подчиненные называют его «сэр» или «мистер Макмертри». Обращение «сынок» на несколько секунд вывело его из равновесия. Если бы кто-то другой спросил, как у него дела, он бы изобразил на лице дежурную улыбку и сказал «спасибо, хорошо». Но искренний вопрос заслуживает искреннего ответа.

– Могло бы быть и лучше.

– Как ты себя ощущаешь в его доме?

– Хорошо. – Удивительно, но, несмотря ни на что, это правда. – Я так давно здесь с ним не жил, но сразу узнал запах его табака. За девятнадцать лет отец не изменил своей вредной привычке. – Этот своеобразный запах, пробуждавший воспоминания, мешал ему спать по ночам. – Чтобы избавиться от запаха, я перекрасил все стены в доме.

На лице мэра промелькнула тень, после чего оно снова стало спокойным.

– О чем еще вы мне хотите рассказать? – продолжил Грант, от которого это не укрылось.

Алан сделал знак юной официантке, красящей ногти за дальним столиком, чтобы она принесла счет.

– Не рассказать, а спросить, – ответил он.

– Валяйте.

– Я знаю, ты за последнее время почти утратил связь с родным городом.

Это так, но в день похорон Лео к нему пришло много людей, чтобы выразить свои соболезнования. Каждый из них принес что-нибудь из еды. Его поразило, что местные до сих пор живут как одна большая семья.

– Я здесь вырос и многих помню.

– Хорошо. Это тебе поможет легче воспринять то, что я сейчас собираюсь сказать.

Грант нахмурился:

– Говорите, не тяните.

– Это касается группы исследователей...

Он фыркнул:

– Если можно назвать кучку бездельников, пересчитывающих тюленей, исследователями.

Алан задумчиво кивнул:

– Лео долго отказывался, прежде чем согласиться с ними сотрудничать.

– Я в этом не сомневаюсь.

– Понадобился год переговоров, чтобы он уступил.

– Я уже это знаю. Я встречался с Кейт Диксон.

Брови Алана взметнулись.

– Кейт к тебе приходила?

– На прошлой неделе.

– Какой она тебе показалась?

Слишком красивой для ученого. Слишком молодой для

темных кругов под глазами.

– Кажется, она настроена решительно.

– Да, это похоже на Кейт. Она не позволяет своей печали мешать ей работать.

Грант стиснул зубы. До сих пор он считал Алана Сефтона своим союзником, но, похоже, этот человек попал под влияние мисс Диксон, как и его отец.

– Единственное, что ее опечалило, – это мое намерение запретить ей и ее команде появляться на моей ферме.

– А-а. – Пожилой мужчина кивнул. – Я гадал, каким будет твой выбор.

– Выбора нет. Если создать на побережье буферную зону, количество полезной земли сократится втрое и будет потерян доступ к океану. Я не собираюсь помогать людям, которые попытались отобрать у моего отца часть фермы.

Алан пристально посмотрел на него своими голубыми глазами:

– С каких это пор тебя начала интересоваться ферма?

За то долгое время, что он работал на крупные корпорации, Грант научился скрывать свою боль и потрясение. Он смерил Алана суровым взглядом, и тот отвернулся:

– Прости. Мне не следовало этого говорить. Но позволь мне тебе напомнить, что эти девятнадцать лет я прожил рядом с твоим отцом. Я слушал его рассказы, знал о его мечтах.

Лео Макмертри мечтал, чтобы его единственный сын унаследовал его любовь к земле и способности к фермерству.

Чтобы он мог с гордостью передать ему «Таллоквэй». К сожалению, судьба распорядилась иначе.

– Наши мечты не всегда сбываются, – просто сказал Грант.

– Это верно. Но вернемся к разговору о земле. Твой отец по собственной воле решил поддержать программу университета.

Грант фыркнул:

– Или его уговорил кто-то, кому он доверял.

Пожилой мужчина слегка покраснел:

– Мне нечего стыдиться. – Выпрямившись, Алан полез в карман за бумажником.

– Значит, это были вы?

– Твой отец никогда не любил перемен. Он долго стоял на своем, но в конце концов мне удалось его уговорить.

Грант наклонился вперед:

– Значит, вы поддерживаете тех, кто хочет превратить часть «Таллоквэй» в заповедник?

– Я поддерживаю Кастлеридж и его жителей. На программу Кейт выделена значительная денежная сумма. Если она поможет нам устранить разногласия с представителями рыбной промышленности и защитить наш туризм, от этого выиграют все.

– Все, кроме Макмертри. Я потеряю треть своей земли, – сухо заметил Грант.

Алан поджал губы:

– Да, ты не сможешь пасти на ней скот, зато перед тобой

откроются большие возможности для развития экотуризма.

Грант снова фыркнул:

– Да мой отец скорее умер бы, чем пустил бы хоть одного туриста на свою землю.

Алан мрачно посмотрел на него:

– Ты помнишь, чтобы твой отец что-то делал только потому, что этого хотел от него кто-то другой?

Грант замер на месте. Живя с отцом, он часто пытался убедить его изменить свое мнение, но Лео был непреклонен. Возможно, он просто применял неправильные методы.

– У меня есть одна теория.

– В чем она состоит?

– Вы встречались с Кейт Диксон?

– Да, несколько раз. Она славная девушка. Правда, слишком много работает.

– По-вашему, это недостаток?

– Нет. – Алан небрежно махнул рукой. – Просто у меня сложилось впечатление, что у нее в жизни ничего больше нет. В общем, ты понимаешь, о чем я говорю. О семье, о детях.

Грант усмехнулся:

– Полагаю, мисс Диксон приняла бы ваши слова в штыки. По-моему, ей хватает ее тюленей.

– Никогда не встречал более увлеченного и добросовестного профессионала, – сказал Алан. – Лео хорошо разбирался в людях. Полагаю, он увидел в ней что-то. Она так яростно защищала животных, так хотела им помочь.

– Вы, случайно, не президент фан-клуба Кейт Диксон? Она противник, Алан.

– Дело не в том, кто на чьей стороне.

– А для меня это важно, поскольку речь идет о моей ферме.

«С каких это пор тебя начала интересовать ферма?» – прочитал он в голубых глазах Алана и, вздохнув, продолжил:

– Девятнадцать лет назад я покинул «Таллоквэй», потому что знал, что не могу быть фермером, как мой отец. Подростком я постоянно терпел его обвинения в том, что меня не интересует ферма, которой он посвятил столько лет. – Грант прокашлялся. – Он позволил мне уехать, зная, что я не справляюсь даже с самой легкой работой на ферме. Я не могу поверить ни на секунду, что он оставил мне «Таллоквэй» для другой цели, кроме как для продажи ее достойному человеку. Я также не верю, что он мог добровольно отдать треть своей земли группе защитников природы.

Будь это так, Лео указал бы это в своем завещании. Нет, его отец не мог так поступить. Он покончил с собой, чтобы не видеть, как часть его фермы превратят в заповедник.

Алан выпрямился:

– В таком случае позволь мне обратиться к тебе как к человеку, который скоро унаследует «Таллоквэй». Я как мэр города поддерживаю программу, способствующую развитию научного партнерства и экотуризма, и прошу тебя о том же самом.

Грант поднял бровь:

– Хорошая речь. Вы долго ее готовили?

Алан улыбнулся:

– Я приготовил ее еще два года назад, когда впервые собирался это обсудить с твоим отцом.

Грант медленно выдохнул. Неужели Кейт Диксон заставила весь город плясать под ее дудку? Алан Сефтон такой же упрямый и решительный, каким был его отец. За короткие две недели, что Грант его знал, он увидел в нем проницательного бизнесмена и сильного лидера. Это означает, что у Алана есть собственные приоритеты.

Грант начал выбираться из-за столика:

– Я рассмотрю вашу просьбу.

Положив на столик несколько банкнот, Алан поднялся и похлопал его по плечу:

– Я не могу просить тебя о большем.

– Уверен, что можете.

И непременно попросит.

Глава 3

Сложив мускулистые руки на широкой груди, которая на этот раз была полностью прикрыта, Грант посмотрел на Кейт из дверного проема.

– Почему это мне нужно приглашение, чтобы попасть в свою собственную бухту? – произнес он враждебным тоном.

– Я приглашаю вас посмотреть на нашу работу. Я подумала, что если вы увидите, как мы работаем...

– Я приду в неопишуемый восторг и позволю вам остаться? – Он цинично усмехнулся. – Вы недостаточно хорошо меня знаете, поэтому я прощаю вам нелепое предположение, будто меня может заинтересовать то, что вы здесь делаете.

Глаза Кейт неистово сверкнули.

– Уверена, вы ничего бы не добились в своей профессии, если бы не знали, что первый шаг на пути к успешным переговорам – как можно лучше узнать своего противника.

– Мы с вами не ведем переговоров. – Но он не отрицает, что они противники. – Насколько я знаю, вам нечего мне предложить.

Она расправила плечи:

– У меня есть двенадцать недель.

Его глаза потемнели.

– В этих краях новости распространяются быстро.

– Для моей команды важно точно знать, сколько времени

у нас еще есть. Разумеется, я это выяснила.

– Что меня удерживает от того, чтобы закрыть эту дверь и открыть только через три месяца, когда ваше время истечет?

Сердце Кейт учащенно забилося.

– Возможно, это говорит о том, что на самом деле вы человек порядочный.

– Вы пришли ко мне во второй раз, но, уверяю вас, уйдете вы с тем же результатом, что и раньше.

– Мистер Макмертри, я не люблю унижаться. Мне бы очень хотелось держаться в стороне от всех этих формальностей, – она тяжело сглотнула, – но мне приходится бороться за мою работу.

«Это все, что у меня есть».

Грант пристально уставился на нее.

– Хорошо. Я уделю вам час, – ответил он после продолжительной паузы.

Кейт чуть не задрожала от облегчения:

– Спасибо.

Он повернулся, чтобы направиться внутрь дома:

– Я за ключами.

Кейт схватила его за запястье и почувствовала его тепло:

– Вы не могли бы принять душ?

Грант медленно повернулся к ней.

– Я возился с насосом для артезианской скважины, – сказал он. – Не думал, что слабый запах пота может побеспокоить тюленей.

– Напротив, вы слишком хорошо пахнете. – Ее щеки вспыхнули от смущения. – То есть я хотела сказать, что дело в вашем одеколоне. Когда мы идем на работу, мы не пользуемся дезодорантами, духами и ароматизированными шампунями, чтобы тюлени не чувствовали нашего приближения.

– Это многое объясняет. – Неожиданно его взгляд смягчился. – Если мне придется с головы до ног намазаться пометом тюленей, чтобы скрыть мой запах, я никуда не пойду.

Он пошутил. Это хороший знак. Кейт уцепилась за него, как утопающий за соломинку.

– Не придется. Зачем зря переводить драгоценный материал для исследования?

Его чувственные губы приоткрылись, затем неожиданно изогнулись в подобии улыбки.

– Дайте мне пятнадцать минут.

– Встретимся на месте. – Она не собирается стоять здесь и ждать, когда он примет душ. – Вы знаете, куда ехать?

– В бухту Дэйва?

Кивнув, Кейт направилась к своей машине. Не успела она облегченно вздохнуть, как он крикнул ей вслед:

– Мои пятнадцать минут в душе входят в час, который я вам дал.

Похоже, их хрупкое перемирие существовало только в ее воображении. Кейт была раздосадована, но все же нашла в себе силы сделать небрежный взмах рукой и бросить через плечо:

— Воля ваша.

* * *

Грант пытался разгадать Кейт Диксон с того дня, когда впервые увидел. Сегодня она выглядела совсем не так, как во время своего прошлого визита. Строгий костюм сменили шорты-карго и мешковатая футболка. Густые темные волосы были собраны в хвост на затылке. Никакого макияжа. Никаких духов. Только чистый запах женщины.

Наверное, она самая естественная и открытая женщина из всех, которых он когда-либо встречал. Когда она неумело пыталась с ним договориться, делая ему свое нелепое предложение, Грант обнаружил, что хочет ей помочь. Научить ее, как нужно действовать в подобных ситуациях. Спасти ее от себя самой.

Кейт Диксон нужен рядом опытный человек вроде него, иначе она пропадет в этом жестоком мире. Но, учитывая, что она натворила, ему не хочется становиться для нее благородным рыцарем.

Выключив душ, он снял с вешалки полотенце.

Все же, несмотря на ее наивность, ей удалось добиться своего. Он может критиковать ее методы, но не результат. Возможно, он больше похож на своего отца, чем думал, если робкая улыбка и очаровательный румянец этой женщины так на него действуют. А может, у нее талант замечать сла-

бости других.

Пройдя в комнату, он надел чистые джинсы, джинсовую рубашку и поношенные отцовские сапоги, взял солнцезащитные очки и ключи и направился к своей машине. Ему не терпелось доказать мисс Диксон и ее команде, что то, что они делают, не имеет смысла. Возможно, это будет для них полезно, учитывая то, что скоро они отсюда уедут. Если Алану Сефтону небезразличен их успех, ему придется подыскать новое место для их исследования.

Через пятнадцать минут он остановил машину рядом со старым грузовиком Кейт и огляделся по сторонам. Чуть поодаль стоял еще один грузовик. Рядом с ним лежало шесть овец.

Подул сильный ветер, и он почувствовал, как колючие песчинки ударяются об обнаженные участки кожи. Ему вдруг захотелось последовать примеру овец и спрятаться от ветра.

Подойдя к краю обрыва, он посмотрел вниз и обомлел: Кейт лежала на спине большого толстого тюленя, прижимая руками и ногами мощные ласты животного к его бокам, чтобы его обездвигить. Двое молодых мускулистых парней, таких же мокрых и грязных, как Кейт, прикрепляли между лопаток животного маленькую черную коробочку. Сделав свое дело, молодые люди присоединились к двум другим исследователям, находящимся в противоположной стороне маленькой бухты. Рядом с ними несколько взрослых тюленей сле-

дили за группой детенышей.

У Гранта перехватило дыхание. Он знал, что это самки. Но самки тоже кусаются, к тому же во рту у них могут находиться опасные бактерии. Одно неосторожное движение, и Кейт может понадобиться медицинская помощь. Много лет назад он на собственном опыте познал неприятности, связанные с укусом тюленя. Кейт работает с этими животными каждый день. О чем она только думает, черт побери?

Собравшись с духом, Кейт отскочила в сторону, приземлилась на бок и покатила по каменистому берегу, а животное нырнуло в воду. Гранту показалось, что он услышал ее стон, когда она перевернулась на спину и уставилась в небо.

Со своей позиции Грант видел узкую тропинку между скал, по которой он раньше спускался к маленькому каменистому заливику, известному как бухта Дэйва.

Несмотря на то что в последний раз он там был девятнадцать лет назад, ноги сами повели его к началу тропинки. Крепкому взрослому мужчине оказалось намного сложнее по ней передвигаться, чем бесстрашному худому мальчишке, которым он когда-то был, но ему удалось выйти на ровную каменистую поверхность в тот момент, когда Кейт снимала с себя налокотник. Ее длинные загорелые ноги были покрыты царапинами.

– Что это было, черт побери? – прорычал он.

Кейт и трое мужчин подняли на него глаза.

– Вы о чем? – спросила она.

– Катание верхом на тюленях является частью вашего исследования?

Ее рот приоткрылся.

– Я не каталась на Стелле. Я пыталась ее обездвижить.

– В обмундировании для катания на роликах?

Поднявшись, она уставилась на него так, словно он спятил.

– Когда я приехала сюда, Стелла была одна на берегу. Мы целую неделю ждали удобного момента. Мне было некогда переодеваться.

В этот момент он заметил, что на всех мужчинах одинаковые комбинезоны. Кажется, синие. На них столько грязи, что цвет ткани трудно определить.

– Что вы с ней делали?

– Прикрепляли к ее спине специальное устройство. Она будет его носить весь следующий месяц.

Грант почувствовал себя полным идиотом. Какого черта он так разволновался из-за этой женщины?

– Что за устройство? – мягко спросил он, чтобы скрыть свои эмоции.

– Рекордер. Он записывает, сколько времени животное проводит в воде и на какую глубину ныряет в поисках пищи.

Грант посмотрел на волны, под которыми только что исчезла Стелла, затем снова перевел взгляд на женщину.

– То, что вы делаете, опасно, Кейт.

– Не беспокойтесь, вам не придется нести за нас ответ-

ственность. У всех нас есть медицинская страховка. Мы знаем, что делаем. Стелле не больно. Она простит меня. Тюлени очень дружелюбные. Мы делаем это каждый месяц на протяжении двух лет.

– Значит, вот чем вы здесь занимаетесь? Следите за тюленями?

Кейт и несколько парней рассмеялись.

– Нет. Это самая волнующая часть работы. – Она посмотрела на группу детенышей, которые продолжили играть, когда опасность миновала. – Иногда мы ловим малышей, чтобы их взвесить и проверить их жизненно важные показатели. Но главным образом мы собираем образцы.

– Образцы?

Кейт сняла второй налокотник:

– Пойдемте, мы вам покажем. Возможно, вы даже захотите нам помочь.

Наверное, сейчас они будут собирать с камней образцы шерсти тюленей, чтобы потом рассматривать их под суперсовременными микроскопами стоимостью в несколько миллионов долларов. Или брать образцы крови у маленьких пушистых комочков, смотрящих на них огромными глазами.

– Конечно. Почему нет?

Кейт бросила ему пару резиновых перчаток, затем, когда он подошел ближе, протянула ему большой совок:

– Что будете собирать? Рвотную массу или помет?

Один из парней фыркнул. Грант молча уставился на нее.

– Простите, – произнесла она невинным тоном. – Вы сами сказали, что хотите помочь.

Внезапно он вспомнил, как она пошутила насчет того, что не собирается мазать его драгоценными образцами тюленьих испражнений.

Кейт уперлась руками в бока:

– Вы рассчитывали на что-то более увлекательное? Мне жаль, но катание верхом на тюленях на сегодня закончилось.

Саркастически улыбаясь, она наклонилась, взяла с камней совком омерзительную черную кучу, аккуратно положила ее в пластиковый пакет, затем тщательно соскребла с камней остатки и отправила туда же. Грант почувствовал, как к горлу подкатилась тошнота. После этого она передала пакет своему помощнику, который прикрепил к нему бирку и положил его в один из трех контейнеров, стоящих рядом с известняковой скалой.

– Вы меня разыгрываете?

Выпрямившись, она пристально посмотрела на него:

– Я похожа на комика?

Вовсе нет. Но будь он проклят, если позволит этой женщине его смутить.

– Я буду собирать рвотную массу, – ответил Грант.

Улыбка, которой она его наградила, была так же ослепительна, как солнце у них над головой. У него перехватило дыхание.

– Если вас начнет рвать, отойдите от образцов. Нам не

нужны посторонние примеси.

Не сказав больше ни слова, Кейт продолжила свою работу. Один из ее помощников подошел к Гранту и начал ему показывать, как нужно собирать рвотную массу. Грант сделал неправильно всего два раза, чем очень гордился. Собрав три полноценных образца, он наконец уступил своему любопытству и спросил:

– Для чего мы это делаем?

Кейт не смогла сдержать торжествующую улыбку. Почему-то эта улыбка не вывела его из себя. Напротив, он был рад, что наконец ей угодил.

– Мы изучаем пищевые привычки этих самок, чтобы выяснить, представляют ли тюлени угрозу для промысловой рыбы.

– Как, собирая всякую дрянь, вы это узнаете?

Кейт положила в пакет очередной образец.

– С помощью подсчета ушных костей и челюстей.

«Не спрашивай ее ни о чем!» – приказал себе Грант, пытаясь обуздать свое любопытство.

– Расскажите поподробнее, – не выдержал он.

Кейт просияла:

– Из непереваренных остатков пищи мы выделяем отолиты – костные образования внутреннего уха. Затем мы их идентифицируем и считаем. Это нам говорит, сколько рыбы ест каждый тюлень и каких видов.

Он ни за что не признается, что находит ее необычный

план просто блестящим.

– Вам не кажется, что копать в экскрементах омерзительно? – спросил он вместо этого.

– Зато очень эффективно. – Кейт пожала плечами.

– А рвотная масса вам для чего нужна?

Она подошла ближе к нему и опустилась на корточки, чтобы взять следующий образец.

– Клювовидные челюсти осьминогов и кальмаров застревают в сфинктерах тюленей. Это вызывает у них рвоту.

Как его только угораздило согласиться в этом участвовать?

– Поэтому вы соскребаете все до последнего кусочка? Чтобы не пропустить ушные кости? – спросил он, подняв ее пакет с образцом и посмотрев на его содержимое.

Кейт выглядела довольной. Очевидно, она думала, что ей удалось вызвать его интерес к ее исследованиям.

– Точно. Позвольте мне кое-что еще вам показать.

Передав свои образцы одному из помощников Кейт, он проследовал за ней в дальнюю часть бухты, где у скалы стояло несколько спортивных сумок. Порывшись в одной из них, Кейт достала ламинированную фотографию небольшой пучеглазой рыбы с флуоресцентными пятнами на темной голове и протянула ему. Грант с удивлением обнаружил, что помнит, как называется это уродливое животное.

– Рыба-фонарь, – сказал он.

Карие глаза Кейт расширились.

– Ничего себе.

– Вы, кажется, забыли о том, что я здесь вырос.

– Да, но это глубоководная рыба. Откуда вы знаете, как она называется?

Грант нахмурился:

– Понятия не имею. Что в ней особенного?

– Мое исследование показывает, что девяносто процентов пищи тюленей – это рыба-фонарь.

– И?..

– Люди не едят рыбу-фонарь. Она слишком жирная.

Вдруг до него дошло, зачем нужны эти исследования.

– То есть тюлени не представляют угрозы для промысловой рыбы.

– Никакой. Точнее, они даже приносят человеку пользу.

Наша рыба и *их* рыба питаются одними и теми же видами мелких беспозвоночных и позвоночных животных. Поэтому, сокращая количество рыбы-фонаря, тюлени способствуют тому, что промысловой рыбе достается больше пищи.

– Таким образом, тюлени поддерживают многомиллионную промышленность.

– Именно так.

Похоже, тюлени действительно важны для процветающей рыбной промышленности Кастлериджа.

– Кто об этом знает? – осторожно спросил Грант.

– Пока? Моя команда. Лео знал. Теперь вот вы знаете.

– Именно по этой причине мой отец вас поддержал?

– Это ваш отец рассказал мне про рыбу-фонарь.

Внутри у Гранта все сжалось.

– Вот черт.

– Лео никогда не верил в то, что тюлени представляют проблему для людей. Он с детства много за ними наблюдал и знал их привычки.

«Неужели Лео в детстве тоже искал убежища в этой уединенной бухте, когда ссорился со своим отцом?»

Ее взгляд смягчился.

– Он был горд, когда узнал, что результаты наших исследований подтвердили его правоту.

– Вы хотите сказать, что мой отец был бы рад превратить часть своей фермы в заповедник?

Кейт опустила глаза:

– Думаю, что нет. – Она снова посмотрела на Гранта: – Его раздирали противоречия. Ему было жаль терять пастбища, но он хотел поступить правильно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.